

В ПЕРВЫЕ зрители увидели на киноэкране Георгия Буркова в фильме «Зося». С той поры минуло пятнадцать лет. Бурков сыграл в кино более сорока ролей — смешных и трогательных, печальных и героических, самых разных. Некоторые из фильмов с его участием, например «Калина красная», «Они сражались за Родину», вошли в золотой фонд советской кинематографии. Сегодня Георгий Бурков — в гостях у читателей «Труда».

— Говорят, что артистом нельзя стать, им надо родиться. Расскажите, пожалуйста, с чего началось ваше рождение как актера?

— Если можно так сказать, выступать перед зрителями я начал в годы войны в пермских госпиталях. Мне было тогда восемь-девять лет, и я был буквально напичкан оперой: в то время в Перми находился в эвакуации Ленинградский театр оперы и балета, и я каждый день ходил на спектакли, проникая туда бесплатно, разумеется. И мог пропеть весь репертуар — от увертюры и до финала со всеми ариями и хорами. Ну, а каждому исполнителю, как известно, необходим зритель.

У одного мальчишки была четвертушка трофейного аккордеона, он очень лихо на нем играл. Мы собрали небольшую бригаду и стали приходить в госпиталь, к раненым.

Этого нам показалось мало, и мы с ребятами решили создать большую бригаду. Написали от руки и развесили объявления, причем назвали себя очень таинственно — БМА — бригада молодых артистов. Помню, мать пошла за водой, увидела такой листок с указанием своего адреса, сорвала его и дома мне всыпала: «Что еще за бэмза, чем ты там занимаешься?!».

Если опустить тот незначительный факт, что после школы меня не приняли ни в одно из театральных училищ — а я поступал, кажется, во все подряд, — то следующей вехой становления была работа в Пермском драматическом театре. Здесь я прошел крепкую школу провинциального театра, где выпускают по двенадцать спектаклей за сезон. Начал «с подноса», а кончил ведущим актером театра в Березниках.

Еще со времен БМА, где мне довелось быть чем-то вроде худрука, я все время подумывал о режиссуре. И вот тогда в Перми, собрав группу молодых, начинающих актеров, поставил спектакль «Дальняя дорога». Сагитировал ребят из музыкального и хореографического училищ, и мы решили в свой отпуск поехать с гастролью по области. Бригаду мы громко назвали «Коммунистический поход культуры». Обком ВЛКСМ выделил нам старый грузовичок, на котором мы исколесили всю огромную Пермскую область.

Играть приходилось порой в невероятных условиях: в сараях, полуразрушенных церквях, в плохоньких деревенских клубах, где вообще впервые видели драмтеатр. На сцене актерам часто приходилось держать перед собой керосиновые лампы, чтобы было видно их лица. Один наш товарищ, ныне ведущий пермский артист, добровольно взял на себя обязанности кассира и билетера и всюду таскал потрепанный портфель с нашей выручкой. Мы сами себе выдавали суточные, причем не брали ни копейки больше, чем положено. Почти все участники этого забываемого для нас похода «выбились» в люди, стали известными актерами и режиссерами, но эта гастрольная поездка стала для нас незабываемой, настоящей профессиональной и жизненной школой.

В 1965 году меня пригласили в Москву, и я не удержался от соблазна. Меня захотел посмотреть Б. А. Львов-Анохин. Я сыграл ему «Записки сумасшедшего» почти целиком. Я ему показался, и он принял меня в труппу театра имени Станиславского.

— Георгий Иванович, при всем многообразии сыгранных вами ролей, есть что-то общее, что объединяет всех ваших героев. — Это ярко выраженный национальный, русский характер. Как рождаются эти образы?

— Дело в том, что другие герои у меня и не получаются, мне как-то неинтересно их играть.

Вообще-то я считаю, что все основные актерские накопления, опыт публичений складываются еще в детстве. Потом можно добирать,

но самые сильные впечатления — из детства. Ведь тогда ты продолжительное время живешь с одними и теми же людьми, а они меняются у тебя на глазах. И Гамлет может превратиться в ничтожество, и наоборот. Мне в этом смысле повезло, я прожил в Перми двадцать пять лет, и в те годы все друг друга в городе знали. Знали, кто самый высокий человек, кто самый маленький, была у нас девушка с самой длинной в городе косой. Мое детство в этом смысле длилось, и если говорить честно, то все герои, которых я играю, вышли из Перми. Там, на Урале, в Сибири, довольно стойкий тип людей, именуемый русским национальным характером.

— Какими критериями вы пользуетесь при выборе роли?

— Мое первое требование к роли — это, чтобы она была живая. Я очень сержусь, когда критику удается все про меня объяснить,

ЗНАКОМЫЕ ИМЕНА

ГЕОРГИЙ БУРКОВ

препарировать. Живого человека объяснить нельзя.

В работе над новой ролью я обычно отталкиваюсь от целого. Я читаю сценарий несколько раз, пока не появится ощущение этого целого. Я не учу роль, за что режиссеры часто называют меня лентяем, я захожу на площадку и тогда уже начинаю делать образ. И бывает, что текст сминается. Я чувствую, что он написан для живого человека, но где-то за счет сюжета поломан характер. Тогда «живому персонажу» приходится ломать сюжет.

— Что вы вкладываете в понятие современность искусства?

— По-моему, современность — это разные интересные люди. Мы привычно пользуемся понятием народ, а народ — это очень и очень разные люди, много людей. И надо разгадать загадку, почему же они живут вместе, что их объединяет, почему сложились в нацию, какие духовные связи держат их всех вместе, держат нерасторжимо. Это задача каждого художника.

— Над чем вы сейчас работаете?

— Недавно я ушел из театра Станиславского, где проработал почти пятнадцать лет, ушел, как говорят, на «перестановку голоса». Я был очень занят в кино последнее время, мне надо отдохнуть, собраться с мыслями. Недавно я снялся в фильме «Добряки» по пьесе Л. Зорина, его снял молодой режиссер Карен Шахназаров. По-моему, удачен и сам фильм и режиссерская концепция. Следующая новая работа — фильм «Из жизни отдающих» по сценарию и в постановке Николая Губенко. Там собралась хорошая актерская компания — Ролан Быков, Анатолий Солоницын, Лидия Федосеева-Шукшенина, Адомайтис, Жанна Болотова и другие. Скоро выйдет на экраны еще одна лента — «Похождения пенсионера», где я играю в дуэте с замечательным актером Борисом Андреевым. Там же снялся один из любимейших моих актеров О. Жаков. Фильм «Соседи» снят на белорусском материале, я играю в нем роль лесника. Интересно, что фильм этот, как и ленты «Кадкина всякий знает», «Пани Мария» и другие, вырос из легенд и рассказов, созданных в годы войны. Сколько было таких историй! Война дала столько психологического материала, такой взрыв народного творчества!

— Не собирается ли ваша дочь Маша пойти по следам родителей?

— Даже не знаю. Ей сейчас тринадцать, и по характеру она похожа на меня в детстве. В школе я учился средне, потому что все время занимался чем-то посторонним, например БМА. Я был по природе утопистом и всегда скрывал свои планы, потому что стеснялся. И дочь у меня такая же. Недавно она была у меня в театре. Спектакль окончился, я оделся, вышел, иду — ее нигде нет. Зашел в зал, смотрю: стоит на сцене у рамы и внимательно присматривается к залу, как бы примеривается. А я знаю, сколько людей позднее разочаровываются. Во всяком случае я не стою к тем родителям, которые говорят: «Мой ребенок — в актеры?! Никогда!» Посмотрим!

Беседу вел
Т. БОЛЬШАКОВА.